

Манифест творческой эпифаназы

Никита Сазонов

*Куратор лаборатории, Posthuman Studies Lab
Проспект Мира 119/246, Москва, Россия 129223
E-mail: darkcryptasite@gmail.com*

Манифест света: нефилософия и метеофилософия

Аннотация

В противовес «гибридным» проектам геофилософии, шизоанализа и т. д., спекулятивное предположение Делёза о темном предшественнике не является всего лишь нейтральной «творческой» кооперацией с наукой. Темный предшественник упоминается лишь в «Различии и повторении» как понятие «смутно научной» дисциплины и не получает эксплицитного концептуального расширения в дальнейшей делёзовской философии. Но в то же время это несистематическое использование темного предшественника раскрывает глубокие и основополагающие швы, связывающие современную спекулятивную философию с физическим исследованием молнии. Фундаментальное философское вопрошание, подобное обращенному к «гиперхаосу» спекулятивному жесту Квентина Мейясу, локализовано в метеорологических цепях космического

порядка принципов генезиса молнии. В подобной *метеофилософии* мы можем обнаружить возможность приостановки трансцендентальных пределов логоцентризма в его лого-фото-центрической версии, предложенной Франсуа Ларюэлем. Лого-фото-центрическая мысль, конституированная манифестом света, или светом как Вспышкой, может быть приостановлена анти-манифестарными *закорачиваниями* спекулятивных моделей метеофилософии. С другой стороны, такие короткие замыкания конституируют ядро *световых кошмаров* (*lightmares*) мысли, которые не привиделись бы даже Ларюэлю в его нефилософских снах.

Ключевые слова

манифестация, свет, спекулятивная философия, темный предшественник, нефилософия

Сам свет — наиболее вязкая из вещей, поскольку ничто не может превзойти его скорость... приходи и присоединяйся к веселью! Но вы, я вижу, уже здесь...
Тимоти Мортон

Хтонические цепи

Хтоническое греческое прошлое оставило нам в наследство цепи Логоса. Мы пытаемся избавиться от этих оков — *логоцентризма*, — разорвать их разными способами. Все попытки освободить мысль от логоцентрических цепей сегодня коллапсируют в разоблачение различных «центризмов»: антропоцентризма, природоцентризма, евроцентризма и т. д. Симптоматика логоцентризма обогащается по мере умножения — в химерической логике *префикса* — его клинических признаков: антропо-евро-этно-гео-машино-эко-фалло-... Такое слишком характерное сопротивление современной теории¹ кажется парадоксальным: вместо того чтобы разделиться с цен-

---

¹ Например, в сборнике «General Ecology» под редакцией Эрика Хёрля (2015) я насчитал как минимум шесть «центризмов»: собственно логоцентризм, биоцентризм, машиноцентризм, экологоцентризм, антропоцентризм, природоцентризм. Роза Брайдотти отмечает схожую тенденцию, связанную с «последовательностью префиксов, способных появляться одновременно

тризмами, современные теоретики их размножают. Аддитивный импульс современной критики блокирует возможность перехода от описания клинической картины логоцентрической инфекции к вскрытию ее *патогенеза*.

В своих работах Деррида указывал на «насилие света» — гелио-политику логоцентрической греко-платоновской мысли, «управляемой инстанцией взгляда и световой метафорой» (Деррида 2007 [1967]: 139). Гелио-политика «не просто освещает, она порождает» (Деррида 2007 [1967]: 136). Это скорее сила «накаливания», а не просвещения. Следы гелио-политического насилия света можно найти в платоновском мифе о пещере, где мысль рождается через совокупление глаза с солнечными лучами (Ланд 2019). Сталкиваясь с Солнцем, персонажи платоновской притчи осознают, что «свет... (поначалу) есть боль, из-за его “яркого сияния”, которое “мучительно»» (Ланд 2019). Тем самым «истина» логоцентрической мысли суть *просвещение* (*in-lightenment*): мысль порождается травматическим проникновением «плотной материальности» лучей света. В случае картезианского *cogito* такое *про*-светительское (*in-lightenmental*) насилие принимает форму «врожденного» недуга, поражающего саму структуру мысли: он является внутренним по отношению к мысли и формирует ее трансцендентальные очертания в качестве сущности «тварного интеллекта» (Декарт 1994: 49). Естественный свет может быть заслонен различными ошибками и предрассудками, но его присутствие неизбежно впаяно в мыслительный механизм (Декарт 1989: 255). Таким образом, само мышление становится озарением, забывшим о своем мифическом генезисе. «Естественный свет», которым заряжено *cogito*, схватывает знание через интуитивное озарение, которое в то же время является самим процессом мышления. Истина просвещения (как кульминации картезианского проекта) суть факт полной инкапсуляции экономии света, «атрофия» глаза (Land 1992: 29); посредством этой инкапсуляции свет превращается в трансцендентальный предел мысли: он становится не простой метафорой, а своего рода *мета-метафорой*. Тем самым гелио-политический логос — это результат ожога, слепое пятно или *maculae corneae* [пятно роговицы] (*лейкома*, свет *внутри* глаза),² результат накаливания света, который — в результате перехода от Платона к Декарту — становится условием возможности глаза и самой мысли, ее прозрач-

---

бесконечно и в некотором смысле произвольно» (Braidotti 2013: 1), в отношении постгуманизма, который (подобно ларюзевскому лого-фото-центризму в нашем тексте) не является «n-ной вариацией» в этой последовательности префиксов.

² Лейкома — это «плотное, белое помутнение роговицы в результате заболевания или травмы. Лейкома рядом с центром роговицы вызывает слепоту» (Youngson 2005: 331). Слово происходит от греческого *leukos* (белый), а также соотносится со староанглийским *leoht* (свет). [см.: Kurath, Kuhn, Lewis 1952].

ной трансцендентальной конституцией, вечной и неизбежной «точкой зрения», или *логоцентризмом*.

Но как свет, переплетенный с мыслью, становится ее трансцендентальным пределом, если предположить, что эта трансцендентальность не может быть схвачена как «еще одна» манифестация логоцентрической тотальности (подобно любому другому центризму)? В то время как базовый критический импульс современной теории воплощается в логике прибавления префиксов к слову «логоцентризм» (антропоцентризм и т. д.), необходимо совершить демарш, подрывающий целостность слова «логоцентризм», инкорпорируя в него своеобразный концептуальный «дефис». Это то, что нефилософ Франсуа Ларюэль (Laruelle 2012) раскрывает как лого-фото-центризм. Имея дело с таким нестандартным центризмом, Ларюэль предполагает, что логоцентризм имеет некоторое технологическое воплощение, обозначенное «-фото-» в термине «лого-фото-центризм». Это означает, что логоцентризм — не тотальность (к которой отсылают множасьщиеся центризмы), а скорее *тотальная* «технологическая и моральная эксплуатация света» (Laruelle 2012: 38). Но что конкретно означает эта фото-эксплуатация? Как предполагает Ларюэль, лого-фото-центрический предел мысли основан на «наиболее глубоком предубеждении» (Там же: 39), от которого, согласно мысли нефилософской деконструкции лого-фото-центризма, не защищен ни один философский проект.³ Это предубеждение состоит в том, что

...вектор потока фотонов понимается как вспышка, замыкающаяся на себе; как Логос, который не распространяет себя вовне корпускулярного состояния само-принадлежности; как вспышка, изолирующая себя подобно вспышке в детерминистской физике или [физике] частиц, которая сворачивала бы поток на себя (Там же: 39).

Изолирующий свет, свет в состоянии само-принадлежности или свет как Вспышка составляет, согласно «нефилософской» мысли, своего рода манифест света логоцентрической мысли.⁴ Манифест [*поятый*] одновременно как базовая (и неизбежная) технологическая

³ Нефилософия не отягощает себя примерами и предоставлением доказательств через перечисление проектов, поскольку она воспринимает себя как некое *философское исследование* философии. Исходя из этого, нефилософские высказывания должны быть адресованы любой философии без исключения. Более подробно об этом см., например, в работах Рэя Брассье (2001; 2007).

⁴ Александр Гэллоуэй дает хорошее объяснение того, как Ларюэль критикует манифестацию света (Galloway 2013: 230–232). В данной статье я не рассматриваю это решение, поскольку нахожу его движение относительно идентифицированной здесь проблемы метеофилософии несколько тривиальным.

модель логоцентризма — манифестация Вспышки как «архиначальной метафоры» события Логоса (Там же) — и как некоего «люминесцентного» манифестного образа философии и самой логоцентрической мысли. Манифестации света (как Вспышки) релевантны и для платоновского озарения, и для картезианского освещающего акта интуиции. Но, согласно мысли Ларюэля, это также относится и к поздним версиям трансцендентализма (феноменологии, фундаментальной онтологии): «Философы очарованы Вспышкой <...> они не перестают закорачивать мысль и ускорять ее трансцендентальные обороты» (Laruelle 2012: 40). Таким образом, Ларюэль отмечает полное бессилие мысли перед лицом Вспышки. Главное насилие света над философией, тем самым, заключается в том, что последняя может лишь пребывать в состоянии изумления без непосредственного доступа к созданию Вспышки. «[М]ы приходим слишком поздно для того, чтобы поспособствовать сотворению света — мы лишь ассистируем при его рождении» (Там же: 40). В результате философия коллапсирует в странную *трансцендентальную теологию Великого Фотографа*. Великий Фотограф является внешним принципом создания все еще «подлинного имманентального (*immanent*) вида Вспышки» (Там же), или странной *трансценденцией в трансцендентальной конституции мысли*. Это Творец Логоса, которому продолжают молиться философы — от Платона до Хайдеггера. Философы очарованы сотворением Вспышки, «которому они в лучшем случае воздают в развернутых формах Логоса и разума» (Там же). Они ослеплены блеском света, будучи запечатлены на Великой Фотографии Великого Фотографа, с улыбкой, выражающей очарование, Логосом как прибавочным эффектом События Вспышки.

Аргументы Ларюэля касательно существования манифеста света весьма убедительны. Тем не менее, работа по его [*манифеста*] исследованию оставляет желать лучшего. В данной статье я попытаюсь продвинуться дальше в исследовании манифеста света. Я предложу новую интерпретацию отношений мысли и света посредством экскавации той зоны неразличимости между наукой и философией относительно света, которую я называю *метеофилософией*. Такая странная теоретическая практика, как метеофилософия, приостанавливает лого-фото-центрический предел и вскрывает его *антиманифестарные короткие замыкания*. Начиная со сдвига от фундаментальной онтологии к философии различия (Жиль Делёз) и за ее пределы (Квентин Мейясу), философия не фокусируется на фактичности манифеста света (то есть Вспышки), а концентрируется на условиях и принципах его манифестации. Этой своей спекулятивной установкой философия катастрофически сближается с физикой молнии. Делёзовский темный предшественник играет здесь ключевую роль, поскольку конституирует решающую сцепку в отношениях науки и философии в контексте света как молнии. Тезис Мейясу о «ги-

перхаосе» расширяет логику предшественника. Я собираюсь продемонстрировать, что это пересечение философии с наукой о молнии произведет те спекулятивные принципы, что являются худшими *световыми кошмарами* (*lightmares*) мысли — кошмарами, которые бы не привиделись и Ларюэлю в его нефилософских снах.

Интерлюдия: философия, наука и метеофилософия

В самом сердце ларюэлевской деконструкции лого-фото-центризма — нефилософская трактовка отношений между наукой и философией. Лого-фото-центризм вытекает из характерно философского способа производства, который Ларюэль называет «принципом достаточной философии» (Laguelle 2013a: 5–30). Это основной троп нефилософского восстания против философии — собственно «не» в слове «нефилософия». Принцип достаточной философии — это своего рода «предельная власть философии над Реальным», само ядро философской мысли, от которого никогда не отказывались типы восстания «изнутри», такие как диалектика или деконструкция (Laguelle 2013b: 14). Результатом такого достаточного авторитета выступают «традиционные отношения, которые в глобальном смысле являются отношениями онтологического господства философии над наукой» в отношении Реального (Там же: 40).

Нефилософия, разосновывающая принцип достаточной философии, «стремится не вытеснить или устранить философию, а, скорее, *использовать* ее в качестве материала и объекта изучения», а также подорвать ее «глубочайшие механизмы и объяснить ее фундаментальные операции», такие как Вспышка и Единое (Brassier 2007: 120). Такое нефилософское использование философии конституирует «автономную теоретическую практику», основанную не на простом отрицании, а на отказе как от самого господства философии над наукой (и наоборот), так и от различия между наукой и философией в целом, путем производства «единой теории науки и философии» (Там же: 10). Подобная нефилософская *первая наука* «отличает себя от современных философий Различия или Множественности и вообще от всякой онтологии, как и от любой деконструкции онтологии» (Там же: 37). Она представляет собой «нечто иное», нежели синтез философии и науки. «Не реформа, а новое использование философии и науки, выведенное из неразделенного тождества Реального» (Там же: 38).

Эта нефилософская рефлексия над «нестандартной» мыслительной практикой отсылает к таким отношениям между наукой и философией, которые обсуждались в работах Делёза. Отправная точка та-

кой референции — микрополемика, инициированная Делёзом в совместной с Феликсом Гваттари книге «Что такое философия?» (2009 [1991]). Ларюэль дважды упоминается в этом тексте; именно последнее упоминание является критическим. Делёз замечает: «Франсуа Ларюэль предлагает понимать не-философию как “реальность науки” по ту сторону самого объекта познания... Но тогда непонятно, почему такая реальность науки не является также и не-наукой» (Делёз, Гваттари 2009: 253).

Эта вторичная микрополемика по вопросу об отношениях между наукой и философией, развернутая в сносках книги «Что такое философия?», намекает на альтернативный способ отказа от различия между ними. Как отмечает Делёз в тексте «Матезис, наука и философия» (2007), отправной точкой в этой проблеме является *существование* различия между наукой и философией и, как следствие, существование различия между способами трактовки такого различия: «Нелегко понять точный смысл дискуссий, которые периодически противопоставляют философов и ученых — они не говорят на одном и том же языке» (Делёз, Гваттари 2009: 142). Различие в трактовке научно-философских отношений суть сам эффект различия между философским и научным способами производства, которые не допускают пересечения своих производственных линий. Существует «фундаментальный дуализм, [который] располагается внутри знания, между Наукой и Философией»; он был введен «картезианской оппозицией протяженной субстанции и мыслящей субстанции» (Там же: 142). Но, как отмечает Делёз, «Декарт никогда не отказывался от единства знания — *mathesis universalis*» (Там же: 142). В противовес ларюэлевской нефилософии как практике, которая появляется после разделения между наукой и философией, (согласно Делёзу,) имеет место некая зона до науки и философии, где они «стремятся вновь обрести свое утраченное единство». Этот *mathesis universalis* не является «поэтому ни наукой, ни философией». Это «уровень живущего человека», который «располагается на плане, где жизнь знания идентична знанию жизни» (Там же: 147).

Можно сказать, что философия Делёза — это ассамбляж много-различных попыток заново открыть и сохранить этот *виталистический матезис* как философскими, так и научными средствами. Образцовый пример — профессор Челленджер, появляющийся в «Тысяче плато». Он смешивает геологию и биологию с лингвистикой, психоанализом и т. д., чтобы удержать детерриториализацию Земли (Там же: 66–67). Способ мышления в духе Челленджера — имидж самого Делёза, буквальным воплощением которого является *геофилософия*, смешивающая науки о Земле с философией. Однако то же самое можно сказать и о проекте шизоанализа (психоанализ + марксизм + философия), «логике смысла» (математика + лингвисти-

ка + философия) и, в частности, о сотрудничестве Делёза с Гваттари. Это «отношение не-отношения» философии к другим планам мысли — «общие взаимозависимость и распределение», своего рода сцепление и сотворчество с «наукой, технологией, литературой, кинематографом, историей, экологией или безумием» — конституирует собственно делёзовскую манеру нефилософии (Lambert 2002: xiii, 18).

Однако данная попытка создать Великую Нефилософию, подлинно детерриториализованную мысль в процессе становления-сиротской — сегодня достигшая кульминации в проектах CCRU, Ника Ланда и Резы Негарестани,⁵ — является типичным упрочением философской достаточности, которая ограничена пределом собственно философских целей. Со стороны науки (наряду с аналогичными попытками Алена Бадью и других философов в области математики) «математический» импульс философии трактовался как нелепое и непригодное философское «злоупотребление» наукой, которое напоминает структуралистскую эксплуатацию лингвистики, но не становится практикой, прорывающейся сквозь иерархическое возвышение философии над наукой.⁶ Тем не менее, как я собираюсь заявить, в проекте Делёза имеется странное движение, благодаря которому наука и философия становятся предельно близки друг другу — вплоть до точки полной неразличимости между ними. И, вопреки всем предположениям о том, что «трудно понять, какое различие даже последние открытия в современной (*modern*) физике могли бы внести, например, в концепции Беркли, датирующиеся XVIII столетием» (Deleuze 2007: 142), мы сталкиваемся с неразберихой: перед нами очередной «изолированный» спекулятивный принцип или результат исследований в области физики? Эту неудобную неразличимость — которую Делёз произвел скорее по небрежности, а я назвал выше «метеофилософией», — я и собираюсь проследить в текстах современных физиков и философов.

Молниеносная(-)вспышка

Фундаментальная онтология Хайдеггера является наиболее релевантным случаем в ларюэлевской деконструкции лого-фото-центризма. Модель онтико-онтологического Различия лучше всего согласуется с теологией Великого Фотографа. Онтико-онтологическое Различие — это кульминация феноменологического восхищения

⁵ См. (Cybernetic Culture Research Unit 2017; Land 2011; Negarestani 2008, 2018).

⁶ Подробнее об этом см. (Gironi 2011; Tripodi 2015; Сокал и Брикмон 2002).

подлинной целостностью авто-манифестации Вспышки. Как говорит Ларюэль,

если вспышка является архиначальной метафорой события Логоса, она все же должна оставаться моделью для хайдеггерянского ухода <...> как раскрытия Бытия, сопровождающего сокрытие сущего (Laruelle 2012: 39).

Двигатель Различия в хайдеггеровской онтологии — игра ухода, сокрытия и раскрытия, или того, что он называет «просветом» (Хайдеггер 2008: 167) — отражает трансцендентализацию Вспышки, полностью конвертирующую ее в мыслительную модель, или, как упоминалось ранее, мета-метафору света. Великий Фотограф, скрытый в механике онтико-онтологического просвета — «про-явки», синонимичной Логосу, — помечает фатальное ограничение мысли в манифесте света. Философия — несовершенный свидетель манифестации света — может быть лишь фотомоделью в проводимой Великим Фотографом «сессии» просвета (быть, иными словами, *Dasein*).

Есть одна любопытная деталь, связанная с онтико-онтологическим заточением мысли. Оно заставляет нас думать, что проект Хайдеггера — все еще остающийся кульминацией лого-фото-центрического восхищения вспышкой, — является своего рода осью, посредством которой осуществимо метеофилософское движение. Мы должны откорректировать ларюэлевское предположение о Хайдеггере, поскольку экспонирование лого-фото-центризма в фундаментальной онтологии вводит не просто Вспышку, но *молниеносную вспышку* (*lightning-flash*). Как замечает Хайдеггер в эссе «Поворот»,

через зрение и в качестве зримой суть выступает в своем подлинном свете <...>. Но озарение среди разливаемого им света сохраняет потаенную темноту своего истока, на свет не выходящего. Молниеносная-вспышка истины бытия есть прозрение (Хайдеггер 1993: 256–257; перевод изменен).

Узел между светом и неосвещенным, связывающий молнию и Вспышку, можно увидеть именно в странном *удвоении* работы онтико-онтологического Различия. Молния здесь — не просто метафорическое продолжение просвета, дополнительный компонент работы Вспышки, призванный поддерживать Великого Фотографа. Включение молнии в лого-фото-центрическую механику Вспышки дестабилизирует модель фундаментальной онтологии. Как отмечает Ойген Финк, с точки зрения естествознания молния — «не что иное, как определенное электрическое явление». Но молния как модель онтологии предполагает процесс «нефеноменального восхождения» (цит.

по: Heidegger 1979: 104). Нефеноменальное *темное* восхождение молнии отбрасывает трактовку молнии как сверкающего явления, то есть молнию как манифестацию. Молниеносная-вспышка, которая манифестирует себя, расщепляя и собирая множественное» (Там же: 5), также должна расщепиться на нефеноменальный и феноменальный свет, или на *молнию* и *вспышку*. Вспыхивающая молния, молниеносная-вспышка, дифференцируется, раскалывая изначальную структуру манифеста света. Если вспышка в сцеплении молниеносной-вспышки является базовой структурой манифестации, всецело функционирующей в логике отсутствия/присутствия, или явления *ex nihilo* (из фото-процесса Великого Фотографа), то *неосвещенная* молния раскрывает дополнительное — спекулятивное — измерение манифеста света. Вспышка остается необъяснимой из-за «запоздалости» мысли (которая может способствовать лишь рождению, но не творению); нас способна очаровать лишь фактичность света. Молния, напротив (как мы увидим), относится к принципам, в которые мы можем вникать, то есть *спекулировать*. Спекуляция здесь — своего рода вскрытие внутренностей аппарата Великого Фотографа, способ обнаружить в *ex nihilo* Вспышки *ex mundo* молнии.

Оставаясь в рамках логики принадлежности к Логосу-событию, согласно которой все сущие являются «пораженными молнией логоса» (Там же: 117), фундаментальная онтология обнаруживает странную диалектику *мета-порядка* — трансцендентального порядка онтико-онтологического Различия, поддерживаемого метафорами «просвета», «молниеносного взгляда» и т. д. — и порядка тьмы, молнии как «неосвещенной» и «сокрытой» части Различия, порождаемой не *ex nihilo*, но скорее *ex mundo*, без какой-либо трансценденции (то есть без гарантии Великого Фотографа). Этот второй порядок — очерчивающий как «здесьность» (*hereness*) молнии, так и возможность ее исследования, — суть метео-регистр, подталкивающий дальнейшую философию к разработке такой модели Различия, которая была бы ближе к самому естествознанию, к которому хайдеггеровская философия попыталась повернуться спиной.

Темный предшественник

Парадигматическим типом молнии в физике является разряд облако-земля. Классическое описание его генезиса таково: динамика заряженных частиц создает электрическое поле, которое вызывает так называемый *электрический пробой* в воздухе — критическое увеличение электричества, — обеспечивая зазор, обуславливающий различные стадии разрядов молнии. «Едва возникнув в малой области, электрический пробой дает начало электрическим разрядам

стримера» (Cooray 2015: 92). Стример — это слабый, кратковременный разряд, существующий в ограниченных областях; он разветвлен и нитевиден. Стримеры могут кульминировать в так называемый разряд лидера — «горячий проводящий канал» электронов между облаком и землей, — феномен, который чаще всего ассоциируется с молнией как таковой. Эта внушительная вспышка света возникает в результате короткого замыкания между небом и землей, сопровождаемого раскатами грома.

Таким образом, момент манифестации (вспышка молнии) локализован на стадии «электрического пробоя» — «разряда лидера». Он создается путем кумуляции небольших разветвленных вспышек (стримерных разрядов) в мощную и чрезмерную Вспышку, оглушительное короткое замыкание между облаками и землей. Вспышка (лидер) является продуктом микровспышек (стримеров), которые проявляются точно таким же (*вспыхивающим*) образом, но в уменьшенном варианте: манифестация, тем самым, суть композит микро-манифестаций.

Если философия Хайдеггера — это *философия лидера* (как онтико-онтологического Различия), делёзовская философия различия, на первый взгляд, является *философией стримеров*. Она разрывает философские оковы Вспышки и отвергает тотальность манифестарной модели, вводя в нее момент *генезиса*. В философии Делёза молния — ни простой троп, ни модель, но нечто подчиненное некоторому философскому исследованию. Как подчеркивает Брайан Массуми,

Делёз пишет, что тело не выбирает, мыслить ему или нет, и что высшая операция мысли не состоит в том, чтобы делать выбор. Тело «вынуждено мыслить» в силу своей вовлеченности в самораспространяющееся, последовательно самоорганизующееся генеративное движение. Мысль, подобно молнии, поражает — с возрастающей онтогенетической силой. Она чувствуема. Высшая операция мысли состоит не в том, чтобы выбирать, а в том, чтобы подпитывать эту силу и передавать ее репотенциализованной. Мышление состоит не в десигнациях, манифестациях и сигнификациях языка, которым владеет субъект <...>. Это процесс: собственное событие (Massumi 2002: xxxi).

Здесь трансцендентальная манифестация Различия порождается частичной манифестацией различий. Вспыхивающая механика выражения мысли секуляризует фигуру Великого Фотографа: манифест света создается не *единственным* Фотографом, но, скорее, *фотографами*. Делёзовская эксплуатация трансцендентальной механики мысли сжимает Великое Различие и его Великие Манифестации вплоть до масштаба различий и микро-манифестаций. Согласно мыс-

ли Делёза, лидер (онтико-онтологическое Различие), который является просветом Бытия, суть лишь результат стримеров (различий). Их игра заменяет Великого Фотографа в модели манифеста света. Трансцендентальный мета-порядок последнего проходит через процесс секуляризации благодаря приостановке тотальности Вспышки (лидера).

И все же в философии Делёза есть нечто такое, что делает ее подлинной философией молнии — и, без сомнения, первой метеофилософией. Если стримеры все еще относятся к модели манифестации (так же, как и онтико-онтологическое Различие), то здесь имеется принцип, конституирующий порядок *не-манифестации*, который выходит за пределы вспыхивающего света. Этот принцип является самым загадочным тропом в «Различии и повторении» — книге, которая обращается к проблеме самой молнии, вводя факт ее метеогенезиса:

Молния сверкает при различии напряжения, ему предшествует невидимый, неощутимый темный предшественник, предопределяющий дорогу, идущую вспять, никуда. Подобно этому любая система включает *темного предшественника*, обеспечивающего коммуникацию крайних рядов <...>. [Поскольку] дорога, которую прокладывает этот предшественник, невидима и станет видимой только ретроспективно, покрытая и пройденная феноменами, вводимыми в систему, то у него нет иного места, кроме того, где его «недостает», иного тождества, кроме того, которого ему недостает: это именно объект = x, которого «нет на месте», как недостает ему и тождественности <...> он... постоянно *смещается* в себе и постоянно маскируется в рядах (Делёз 1998: 152–153).

Темный предшественник — это понятие, экспропрированное Делёзом (по его собственным словам) из «смутно научной» дисциплины (Stivale 2008: 20). Этот феномен возникает «между двумя потенциалами» и «помещает различные потенциалы в отношение» (Там же). В ходе «путешествия» темного предшественника «потенциалы вступают в состояние реакции, из которой возникает видимое событие [то есть манифестация Вспышки]» (Там же). В инфраструктуре феноменальной молнии (различия/й) можно обнаружить странное «пустое место» или «пассажира без места» (Делёз 2011 [1969]: 54–61) — порядок тьмы, *до-различия* (*pre-difference*), которое ускользает от манифестарной тотальности путем самого ее разложения. До-различия темного предшественника способно обособовать вспышку различия, будучи отделенным от нее. Это *одностороннее различение*, под коим подразумевается тип отношения, в рамках которого «отличающееся противостоит... не отличному от него, про-

долгая состоять в браке с тем, что с ним разводится» (Делёз 1998 [1968]: 45). В рамках деконструкции лого-фото-центризма Ларюэль реализует схожую одностороннюю модель до-различия, вводя «уни-фациальную» модель Вспышки. Генезис Вспышки — это «восстание или возмущение (*le soulèvement*)», основанное не на механике различия/й, манифестации или «восстановлении *ex nihilo*», но скорее на до-различительном «восстании *ex mundo*» (Laguelle 2012: 42). *Ex mundo* здесь подразумевает существование третьего принципа между возникновением и исчезновением Вспышки. Вспышка как модель Различия — возникающего и исчезающего — натянута между манифестацией как отличением от неба и не-манифестацией утягивания этого неба за собой (Делёз 1998 [1968]: 45). Трансценденция Великого Фотографа коллапсирует, закорачиваясь односторонней работой имманентного темного предшественника. До-различительная логика темного предшественника суть подлинная «формула» Различия и ядро делёзовской философии различия, отличающегося от «частичных» [*различий*], или микроразличий, которые лишь воспроизводят хайдеггеровскую модель в меньшем масштабе. Вот почему темный предшественник может трактоваться и как инструмент разрушения «конвенциональных» прочтений [*философии*] Делёза, и (в то же время) как разрушение самой делёзовской философии. Благодаря концепту темного предшественника делёзовская философия коллапсирует в практику, которая не может (как мы увидим у Мейясу) поддерживать какую-либо позитивность или креативность. Темный предшественник как темная сторона света — это не озарение (*illumination*), а, скорее, излучение (*radiation*): невоспринимаемый, но насильственный свет, который приостанавливает саму тотальность манифестации, одновременно конституируя порядок неманифестации — тот, который обосновывает манифестацию, но который манифестация *манифестировать не может*. Эта *тьма* темного предшественника переключает вопрошание с фактичности манифестации Вспышки на ее *становление* — молнию. Выполняемое темным предшественником *становление* суть нечто подрывающее онтологическую консистенцию Вспышки посредством невидимого *пустого* террора до-различения.

Темные лучи

Избранная Делёзом тропа метеофилософии не была заброшена. Рандеву философии с наукой — где *мета- встречается с метео-*, мета-структура (порядок различия/й) мысли сталкивается с метеодифференциацией темного предшественника — было усугублено путем замены темного предшественника куда более темным прин-

ципом. Этот принцип бросает философию на территорию, где трансцендентальное полностью утрачивает свой авторитет. Если в случае Делёза философия балансирует на краю манифеста света, трактуя темного предшественника как основание (*ground*) механики Вспышки, [но] не оспаривая стойкость последнего, то принцип, о котором мы говорим, является предшественником самого темного предшественника — своего рода *темнейший* предшественник. Он не просто обосновывает, но способен и упразднить трансцендентальный метапорядок Вспышки. В этом движении удержания темнейшего предшественника философия вступает в зону, где ее базовые метафоры — вроде света или пространства — перестают функционировать. Расчленение феноменального порядка Вспышки выявляет тот вид *принципа*, что заставляет философию обратиться к типу науки, который в то же время конституирует нечто такое, что некогда было разработано Аристотелем как «метеорологика» (Аристотель 1981).

Фундаментальная позиция метеорологии, согласно аристотелевской мысли, состоит в том, что это наука, изучающая «[все], что происходит согласно природе, но менее упорядоченной в сравнении с первым элементом тел, [все, что происходит] в местах, тесно соседствующих с областью обращения звезд» (Там же: 443). Метеорология соединяет Случай с космическим порядком и устанавливает связи между ними. Цитируя Фридриха Ницше, Хайдеггер заявляет, что «молнии и грому потребно время» (Хайдеггер 2008: 309) — и это может означать, что между временем и нерегулярностью молнии существует напряжение, объяснимое лишь исходя из метеорологической перспективы, но никак не со стороны метафизики или даже физики. В то время как первая философия (метафизика) работает над вечными (то есть безвременными) «принципами», такими как *неподвижный двигатель*, а физика охватывает закономерные явления (в этом смысле также безвременные), только метеорологика прорабатывает время как тот принцип, который единственно способен обеспечить возможность нерегулярности и контингентности событий, подобных молнии. Вот почему «метео-» в слове «метеофилософия» отсылает к принципу времени. Но время в метеофилософии — это не вторичный принцип, как это было в мысли Аристотеля, а, скорее, *абсолютный* принцип. И молния, соединяясь с временем, «не сама во времени», а, напротив, «позволяет время» (Хайдеггер, Финк 2010: 10). В случае метеофилософии молния как время становится своего рода *темнейшим предшественником* — спекулятивным основанием, которое может предшествовать не только бытию, но также и становлению вещей (темному предшественнику).

Проектом, раскрывающим метеорологический потенциал темного предшественника, является спекулятивное предприятие Квентина Мейясу. Он работает над абсолютом — принципом, который

радикальным образом освобожден от самого феноменального порядка — порядка присутствия как такового, включая его [порядка] «слабые» версии, разработанные в современной посткритической философии.⁷ Но это еще не все. Абсолют — не «пустое место» или «пассажир без места» в феноменальном порядке (своего рода нефеноменальное короткое замыкание в феноменальном). Абсолют — не «посреди» Вспышки (ее появление и исчезновение). Спекулятивный статус абсолюта Мейясу — или Великого Внешнего — суть *темнейший предшественник*: он (раз)основывает не только Бытие, но и Становление. Это метеорологическая анархия гиперхаоса: его «контингентность столь радикальна, что даже становление, беспорядок или случайность могут быть уничтожены им и заменены порядком, детерминизмом и стабильностью. Вещи настолько контингентны в этом времени, что оно может уничтожить даже становление вещей» (Мейясу 2013 [2008]). Великое Внешнее реконституирует манифест света, предлагая своеобразный принцип, который [при этом] не восстанавливает порядок Различия. Это требует темного сдвига к принципу столь радикальному, что даже игра до-различия (становления) не может быть возобновлена. Речь идет не о не-световых условиях молнии, а о не-световом *самом по себе*. Оно *безразлично* к игре Различия — Вспышки. Последняя — всего лишь довесок, не более чем контингентный эффект хаотической игры без-различия (*indifference*). Итак, если делёзовское различие (одностороннее различение, до-различие) исполнено между Различием и безразличием в качестве *предшественника* Различия, то здесь имеет место *безразличие внутри самого различия*. Это темнейшее без-различие суть контингентный ресурс манифестирования как света, так и самого темного предшественника. Оно не связано никаким «до», но радикально раз-вязано: *ab-solutus*. Это принцип в радикальном смысле *ex tundo*, о чем упоминалось выше: чистый метео-порядок, метеорологическая сила времени как молнии.

Философия Делёза — балансирующая на краю Вспышки — суть полуоткрытая дверь в метеофилософию. Ведь связь, образовавшаяся между темным предшественником (научным понятием) и различием как односторонним различением (философским концептом), могла бы быть считана в качестве всего лишь метафорической эксплуатации. Но проект Мейясу настужь распахивает эту дверь: философия не может отменить своих интимных отношений с наукой. Философия не просто экспроприрует научное содержание (с тем

---

⁷ Мейясу разделяет эту посткритическую тенденцию на критическое движение, которое он называет «корреляционизмом», и спекулятивное движение (в частности, объектно-ориентированную онтологию), которое он обозначает как «субъектализм» (Meillassoux 2012: 7).

чтобы трансформировать его, скажем, в концепт). В собственных весьма изолированных спекулятивных принципах философия невольно повторяет самые маргинальные тропы физики молнии.

В связи с этим можно упомянуть коллапс ин-дифференциальной инфраструктуры Великого Внешнего в теорию «галактического» генезиса молнии (Stozhkov 2003). Согласно последней, молния образуется благодаря испусканию галактических *космических лучей* (ГКЛ). ГКЛ — это поток космических частиц, которые проникают в атмосферу Земли из глубокого космоса (от Солнца и других звезд); энергия этих частиц — источник ионизации в атмосфере и, как следствие, производства молнии. «Когда космические лучи случайно и во всех направлениях попадают в земную атмосферу, возникает — столь же случайно — молния» (Там же: 920). Потока ГКЛ «достаточно для объяснения всех наблюдаемых молний» (Там же). Это метеорологический *coup de dés*, который никогда не отменит случая Вспышки. Это экономия всего видимого света, а не его причина: односторонний принцип без какого-либо — пусть даже слабого — типа взаимности.

Модель же молнии, которая наиболее полно согласуется с такой космической ионизацией, как Великое Внешнее, это не классическая молния (предполагающая стадию лидерного пробоя и завершающаяся эксцессивной Вспышкой), а шаровая молния. Последняя представляет собой феномен, остающийся неуловимым; она «может образовываться даже в самолетах и закрытых помещениях, пронизывать стеклянные пластины, взрываться или бесшумно распадаться, производя шум и едкие запахи» (Wu 2016: 1). Механика шаровой молнии, по сути, не предполагает ни определенного генезиса, ни причины. Такая молния может быть произведена без манифестации: она появляется в более радикальном смысле *ex mundo* — как данное сияние, как продукт перманентного галактического *coup de dés*. Но шаровая молния подходит еще и потому, что это крайне редкий феномен, существующий в своеобразной оптической «мифологии». «Шаровая молния не была произведена в лаборатории, а подлинность имеющихся фотографий сомнительна; свойства шаровой молнии приходится черпать из рассказов очевидцев» (Cooray 2015: 365). Будучи опасным феноменом, контакт с которым «иногда приводит к неприятным последствиям для случайных свидетелей», шаровая молния «обеспечивает почву для мифотворчества» — в частности, рассказов о способности молнии «проходить сквозь оконное стекло, оставляя его нетронутым, и выпрыгивать из радио и электрических розеток» (Grigor'ev, Grigor'eva, Shiryayeva 1992). Таким образом, шаровая молния указывает на чистый порядок «метео»: будучи продуктом темнейшей хаотической ионизации, она совершенно несовместима с трансцендентальным порядком мысли. Шаровая молния может быть как иллюзией, обманом зрения, так и необнару-

жимым, произвольным физическим явлением: в обоих случаях имеет место феномен, свободный от каких-либо гарантий и закономерностей, безразличный и чуждый трансцендентальной конституции мысли. Великое Внешнее конституирует порядок, который выходит за пределы фото-процесса Великого Фотографа; этот порядок — вне мысли и самого мира. Это бушующая сила радикально имманентного *ex mundo*: «вселенная, в которой беспорядочные модификации столь часты, что условия <...> сознания будут упразднены» (Meillassoux 2015: 40).

Темные эффекты

В настоящем исследовании проектов Мейясу и Делёза ясно демонстрируется тотальное отделение метео-порядка молнии от мета-порядка Вспышки в рамках метеофилософской мыслительной практики. В то время как Вспышка замыкает философию в трансцендентальной тотальности манифеста света, молния — в случае метеофилософии — приобретает анти-манифестарный статус (который может быть схвачен, например, в модели шаровой молнии). В результате молния обнуляет теологию Великого Фотографа. До метеофилософии Великий фотограф был эдаким папарацци, то есть фотографом, чья идентичность не установлена, а фотографии всегда-уже присутствуют до акта фотографирования. Но метеофилософии удается поймать Великого Фотографа с личным и разобрататься в его фототехнике. В принципе, молния — это внутренняя сторона камеры Великого Фотографа — да и самого Великого Фотографа. Великое Внешнее, или темнейший предшественник, дешифрует эту внутреннюю сторону аппарата светового манифеста, извлекающая анти-манифестарные принципы генезиса Вспышки.

Мы полагаем, что метеофилософия — не х-философия вроде геофилософии. Это экстремальная практика мысли, которая, микшируя философию и науку, в пределе обращается в практику метеорологии; последняя при этом трансформируется из простой науки о нерегулярных событиях в спекулятивную альтернативу «первой философии» (или «первой науке»), работающую с изначальными — абсолютными — принципами. Метеофилософия пытается освободиться от лого-фото-центрического ограничения посредством исследовательского импульса, который элиминирует фотографическую пассивность философии, заточённой в тотальности «Великого Фотографа».

Однако есть серьезная проблема, имеющая непосредственное отношение к метеофилософскому *упразднению* манифеста света и лого-фото-центрической модели в целом. Метеофилософия обнару-

живает анти-манifestарные принципы манифестации (предшественников Вспышки), вскрывающие внутренности аппарата Великого Фотографа. Но в то же время метеофилософия не изменяет актуальную механику манифестации. Тотальность лого-фото-центрической Вспышки, выступающей инструментом заточения философии, в случае метеофилософии не может мутировать или подвергнуться трансформации, но может быть лишь *отменена*. Как отмечает Мейясу, благодаря принципу гиперхаоса мы можем вообразить регрессивную последовательность миров, «в которых беспорядочные модификации столь часты, что»: наука и сознание все еще возможны; наука (основанная на регулярности закона) упразднена, но сознание все еще возможно; как наука, так и сознание упразднены (Meillassoux 2015: 24–40). Это детрансцендентализация мысли, критика лого-фото-центрической мысли через упразднение самой мысли. Более того, сознание без законов — чистое неконсистентное воображение — все еще подчинено трансцендентальному диктату закона, «пусть и в негативном модусе» (Meillassoux 2015: 44; Кучинов 2019). Иными словами, метеофилософская буря неконсистентной (то есть неосвященной) и беспорядочной тьмы лишь *упраздняет* мысль, вместо того чтобы детрансцендентализировать ее световую механику. Метеофилософия в случаях Мейясу и Делёза не уничтожает манифест света, но всего лишь раскрывает то, что он коренится в абсолютной не-манифестации. Это проработка манифеста света — создание своеобразного *манифеста света 2.0*.

В случае манифеста света 1.0, описания лого-фото-центрической мысли (предложенного Ларюэлем) мы имеем чистое «мета-», или строгий тотальный порядок Вспышки. В случае манифеста света 2.0 мы, в свою очередь, имеем дело с чистым «метео-», контингентной силой молнии, которая все еще совместима со Вспышкой. Мы подходим к манифесту света, структуре молниеносной-вспышки с двух различных сторон: со стороны молнии и со стороны Вспышки. Но они остаются несвязанными и репрезентируют два разных способа описания манифестации света. Вот почему нам нужно поработать над соединением, над тем, что упущено как метеофилософией, так и лого-фото-центризмом, а именно: над «-» в структуре молниеносной-вспышки.

Историческая ситуация, в которой молния встречается со вспышкой, «метео-» сличается с «мета-» произошла в 1899 году. Именно тогда физик Роберт Уильямс Вуд написал письмо в *Nature*. Он описал необычную молнию, «редкий феномен», запечатленный на нескольких фотографиях. Физик рассказал о «вспышке, которая выглядит более темной, чем небо на ее фоне». Эти темные вспышки, согласно Вуду, нельзя было объяснить такими сопутствующими феноменами, как «преобладание инфракрасных излучений». Они

[вспышки], напротив, были чем-то таким, что «казалось реальным» (Wood 1899a: 460). В своем письме Вуд оставил темные молнии необъясненными, заметив, что «невозможно сформулировать хоть сколько-нибудь разумное предположение о причине этих темных вспышек» (Wood 1899a: 460).

Спустя некоторое время Вуд непосредственно подвергся критике в связи с объяснением, которое предложил другой физик — А. У. Клейден. Последний утверждал, что темнота молнии на снимках Вуда суть чисто фотографический парадокс — «специфическое фотографическое обращение», а это означает, что «остается лишь объяснить его [Клейдена] объяснение»:

Г-н Клейден показал, что если пластина, на которой запечатлена вспышка молнии или электрическая искра, впоследствии слегка затуманивалась — либо из-за того, что подверглась слабому рассеянному свету, либо вследствие того, что объектив камеры остался открытым, — то вспышка при проявлении получалась темнее фона. Если, Однако пластина затуманивалась до того, как было сделано изображение вспышки, она выходила ярче фона, как на обычных снимках молнии (Wood 1899b: 717–719).

Темная молния — не новое явление: это «не новый тип молнии, а результат эффекта Клейдена» (Orville 1972: 111). В конечном счете напряжение между Клейденом и Вудом мигрировало в фотографическую теорию и там окончательно превратилось в чисто фотографический парадокс, известный как *эффект Клейдена* (Mees 1942: 254). В случае эффекта Клейдена мы имеем дело с механизмом обращения (*reversal*), когда изначальный феномен молнии инвертируется [*и замещается*] симуляком (снимком темной молнии). Очень точное парадоксальное обращение: темная молния инвертирует лишь молнию, но не небо на ее фоне. Это внутренняя игра молнии и ее фотографии; результат манифестации того, что манифестации не поддается; темный эффект, возникающий вследствие сбоя манифестации, засвечивания снимка Великого Фотографа.

Этот темный эффект — продукт сбоя манифестации — также можно проследить в современной физике молнии. Между 1991 и 1993 годами гамма-обсерватория Комптон (*Compton Gamma Ray Observatory*), которая специализируется на исследовании гамма-лучей, обнаружила странный феномен. Помимо данных вроде космических вспышек гамма-лучей, солнечных вспышек и т. д. (как упоминалось ранее в случае ГКЛ), были зарегистрированы дополнительные, некосмические вспышки. Вспышки, которые пребывают не из метеорологического Великого Внешнего, а с самой Земли. Явление тут же было ассоциировано с молниями, а впоследствии — в 2013 году — за-

гадочное событие привело к возникновению гипотезы о так называемых ЗГВ (*TGF*) — земных гамма-вспышках (*terrestrial gamma flashes*), — также известных как «темные молнии». Этот тип вспышек связан с молниями не коррелятивно, но, скорее, генетически:

Наши наблюдения показывают, что эта слабая и краткая ЗГВ <...> была произведена глубоко в грозовом облаке на первоначальной стадии <...> ВО-[внутриоблачной] молнии, распространяющейся вверх до лидера [то есть Вспышки, или «яркой» молнии], достигла верхушки облака и протянулась горизонтально. Мощный радиоимпульс, который был зарегистрирован и геолоцирован одновременно (*coincidentally*) с ЗГВ, скорее всего, был произведен самой ЗГВ. Именно тогда последовательность радиоимпульсов, ЗГВ и оптические излучения вспышки ВО-молнии были идентифицированы впервые (Østgaard et al. 2013).

ЗГВ суть манифестации, которые появляются отдельно от манифестаций обычной молнии — «на первоначальной стадии» (Там же). Это физическая активность, которая производит свою собственную вспышку, но вспышку без света — [*это*] своего рода темная манифестация. ЗГВ возникают не после обычной молнии, подобно темной молнии Вуда (появляющейся только на фотографиях). ЗГВ — своего рода изначальный сбой (*malfunction*) в процессе манифестации. Если эффект Клейдена, возникающий в результате засветки фотографии, представляет собой своеобразную гиперманифестацию, то ЗГВ — это скорее изначальная ошибка в манифестации, манифестация-безманифестируемого, как если бы фотографирование осуществлялось с закрытым объективом.

В случае эффекта Клейдена и ЗГВ Великое Внешнее встречается с Великим Фотографом. Эти темные эффекты — «-» в структуре молниеносной-вспышки — являются вырожденными и относительно без-различия предшественника, и относительно Различия Вспышки. Они отсылают к странному пробелу между тьмой не-манифестации и Вспышкой манифестации. В истории фотографии этот пробел получил название «птички» (*birdie*).

Сидящий забывает все о подголовнике, изнурительном свете, усталости от сохранения фиксированного положения <...> Приятное и бессознательное выражение лица сидящего является результатом мелодии маленькой «птички». Вскоре у фотографов появилась возможность приобрести механическую птичку, которая щebetала, когда сжималась пневматическая груша — а фраза «сейчас вылетит птичка» превратилась в команду во время портретных съемок (Hirsch 2017: 177).

Птичка во фразе «сейчас вылетит птичка» — момент задержки между спуском затвора и вспышкой камеры — суть спекулятивная модель мерцания между тьмой и светом, между молнией и Вспышкой. Если конституция предшественников — до-различия и безразличия — относится к области одностороннего сияния, или того, что предшествует и порождает свет, ему не принадлежа, то статус темных эффектов предполагает чудовищный излишек света и тьмы. Птичка, также связанная с гром-птицей (*thunderbird*) (в североамериканской автохтонной культуре — мифическое существо, несущее молнию),⁸ пребывает *одновременно до и после* манифестации. «Мета-» соединяется с «метео-» в парадоксальном — ни трансцендентальном, ни спекулятивном — импульсе этой (*гром-)*птички. Обусловливая и опосредуя как спекулятивный, так и трансцендентальный уровни, птичка не принадлежит ни одному из них. Принцип птички — это ни трансцендентность Великого Фотографа, ни предшествующая имманентная односторонность Великого Внешнего. Это нечто такое, что можно было бы назвать *не-сторонностью*, выродившей по отношению к любому принципу, которая при этом сама может быть понята в качестве принципа.

(Гром-)птичка суть подлинное анти-манифестарное движение, способное привести к коллапсу лого-фото-центрическую структуру манифеста света. Предложенная Вудом модель темной молнии задает мысль с несостоявшимся Логосом — *нефотоцентрический логоцентризм*, Логос без света, благодаря которому он [*Логос*] был рожден; а модель ЗГВ отсылает к фотоцентризму без Логоса — Вспышке без мысли, которая очаровалась бы ее событием. Но в то же время птичка соответствует выходу из платоновской пещеры, бесконечному повторению процесса проступания-к-свету. Работа (гром-)птички — ублюдка, рожденного в альянсе философии и науки, — суть одновременно и сизифов труд генерации света, и прометеевы муки его [*света*] эффектов; тем самым она составляет худшие *световые кошмары мысли*.

Перев. с англ. Дениса Шалагинова

---

⁸ Хорошее описание гром-птицы можно найти в «Американских богах» Нила Геймана: «От гучи к гуче змеей пробежала молния, и Тень подумал: интересно, это гром-птица возвращается на свои поднебесные утесы, или это разряд атмосферного электричества. А может быть, в каком-то смысле, на каком-то уровне два эти представления вовсе не противоречат друг другу. Ну, конечно же, они и есть — одно и то же. В этом-то, собственно, все дело» (Гейман 2009 [2001]: 328).

Библиография

- Аристотель (1981). «Метеорологика». В кн.: Аристотель, *Сочинения*, в 4тт., т. 3. Москва: Мысль.
- Гейман, Нил (2009). *Американские боги*. Москва: АСТ.
- Декарт, Рене (1989). «Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках». В кн.: Декарт, Рене, *Сочинения*, в 2 тт., т. 1. Москва: Мысль.
- Декарт, Рене (1994). «Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом». В кн.: Декарт, Рене, *Сочинения*, в 2 тт., т. 2. Москва: Мысль.
- Делёз, Жиль (2011). *Логика смысла*. Москва: Академический проект.
- Делёз, Жиль (1998). *Различие и повторение*. Санкт-Петербург: Петрополис.
- Делёз, Жиль, Гваттари, Феликс (2009). *Что такое философия?* Москва: Академический проект.
- Делёз, Жиль, Гваттари, Феликс (2010). *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель.
- Деррида, Жак (2007). *Письмо и различие*. Москва: Академический проект.
- Кучинов, Евгений (2019). «Fictio Audaciae: по ту сторону самосохранения Просвещения». *Логос 4*. [Fictio Audaciae: beyond self-preservation of the Enlightenment] (в печати).
- Ланд, Ник (2019). «Проклятие солнца». *Логос 4*. [The Curse of the Sun] (в печати).
- Мейясу, Квентин (2013). «Время без становления». *Гефтер*, <http://gefter.ru/archive/7657>.
- Сокал, Ален, Брикмон, Жан (2002). *Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна*. Москва: Дом интеллектуальной книги.
- Хайдеггер, Мартин (1993). *Время и бытие: статьи и выступления*. Москва: Республика.
- Хайдеггер, Мартин (2008). *Исток художественного творения*. Москва: Академический проект.
- Хайдеггер, Мартин, Финк, Евгений (2010). *Гераклит*. Санкт-Петербург: «Владимир Даль».
- Braidotti, Rosi (2013). *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.
- Brassier, Ray (2001). «AlienTheory: The Decline of Materialism in the Name of Matter» PhD thesis, University of Warwick, http://wrap.warwick.ac.uk/4034/1/WRAP_THESIS_Brassier_2001.pdf.
- Brassier, Ray (2007). *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Cooray, Vernon (2015). *An Introduction to Lightning*. Dordrecht: Springer.
- Cybernetic Culture Research Unit (2017). *CCRU Writings, 1997–2003*. Falmouth: Urbanomic Media.
- Deleuze, Gilles (2007). *Mathesis, Science and Philosophy*. Collapse: Philosophical Research and Development. Vol. 3 (Unknown Deleuze and Speculative Realism): 141–155.

- Galloway, Alexander (2013). "Laruelle and Art." *Continent* 2.4: 230–36.
- Gironi, Fabio (2011). "Meillassoux's Speculative Philosophy of Science: Contingency and Mathematics." *Pli: The Warwick Journal of Philosophy* 22: 25–60.
- Grigor'ev, A. I., I. D. Grigor'eva, and S.O. Shiryayeva (1992) "Ball Lightning Penetration into Closed Rooms: 43 Eyewitness Accounts." *Journal of Scientific Exploration* 6.3: 261–79.
- Hirsch, Robert (2017). *Seizing the Light: a Social & Aesthetic History of Photography*. New York : Routledge, Taylor & Francis Group.
- Hörl, Eric ed. (2017). *General Ecology: The New Ecological Paradigm*. New York: Bloomsbury.
- Kurath, Hans, Sherman M. Kuhn, and Robert Lewis (1952). *Middle English Dictionary*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Land, Nick (2011). *Fanged Noumena: Collected Writings 1987–2007*. Falmouth: Urbanomic.
- Laruelle, François (2012). *Photo-Fiction, A Non-Standard Aesthetics*. Trans. Drew S. Buck. Minneapolis: Univocal Publishing.
- Laruelle, François (2013a). *Philosophy and Non-Philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press, Univocal Publishing.
- Laruelle, François (2013b). *Principles of Non-Philosophy*. New York: Bloomsbury Academic.
- Massumi, Brian (2002). *A Shock to Thought: Expression After Deleuze and Guattari*. London: Routledge.
- Mees, Charles Edward Kenneth (1942). *The Theory of the Photographic Process*. New York: Macmillan.
- Meillassoux, Quentin (2012). "Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign." Freie Universität, Berlin, 20 April, 2012. https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf.
- Meillassoux, Quentin (2015). *Science Fiction and Extro-Science Fiction*. Minneapolis: University of Minnesota Press, Univocal Publishing.
- Morton, Timothy (2013). *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Negarestani, Reza (2008). *Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials*. Melbourne: Re.Press.
- Negarestani, Reza (2018). *Intelligence and Spirit*. Falmouth: Urbanomic.
- Stivale, Charles (2008). *Gilles Deleuze's ABC*. The Folds of Friendship. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Stozhkov, Yuri (2003). "The Role of Cosmic Rays in the Atmospheric Processes." *Journal of Physics G: Nuclear and Particle Physics* 29.5: 153–68.
- Orville, Richard (1972). "Lightning between Clouds and Ground." *Weatherwise* 25.3: 108–111.
- Østgaard Nikolai, Thomas Gjesteland, Brant Carlson, Andrew Collier, Steven Cumber, and Hugh Christian (2013). "Simultaneous Observations of Optical Lightning and Terrestrial Gamma Ray Flash from Space." *Geophysical Research Letters* 40.10: 2423–26.

- Tripodi, Benedetta (2015). “Ontology, Neutrality and the Strive for (non-)Being-Queer.” *Badiou Studies* Vol. 4 N 1: 72–102. <https://f.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/1647/files/2016/03/100-337-1-PB.pdf>.
- Wood, Robert (1899a). “Dark Lightning.” *Nature* 60.1559: 460–61.
- Wood, Robert (1899b). “On the Cause of Dark Lightning and the Clayden Effect.” *Nature* 61.1570: 104–05.
- Wu, Hui-Chun (2016). “Relativistic-Microwave Theory of Ball Lightning.” *Nature. Scientific Reports* 6.28263. <https://www.nature.com/articles/srep28263.pdf>.
- Youngson, Robert (2005). *Collins Dictionary of Medicine*. Glasgow: Collins.